

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 394
doi: 10.17223/2312461X/50/1

Антивандалные движения в контексте антропологии вандализма

Константин Леонардович Банников¹
Сания Шайхлисламовна Шкарбань²

^{1,2} *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия*
¹ *bannikov@iea.ras.ru*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено феномену общественных движений, кооперирующихся для очищения скал от вандальных надписей. Работа фокусируется на знаковом поведении индивидов и сообществ в социально-антропологическом контексте, от территориального поведения вандалов до гражданских антивандалных инициатив. Материалом служат надписи на скалах Горного Алтая и исторически меняющееся отношение к ним местного населения. Основу методологии составили глубинные интервью с участниками движения «Чистый Алтай», собранные в ходе полевой работы, а также семиотическая интерпретация знакового поведения. Исследование показывает, что надписи вандалов являются низкосемантическими знаками, фиксирующими лишь физическое присутствие автора. Мотивация к их нанесению коренится в лиминальном состоянии личности, стремящейся декларировать свою субъектность в условиях общественного равнодушия. Возникновение массового волонтерского движения с середины 2010-х гг. маркирует преодоление этой социальной апатии и начало нового периода. Мотивированное сложной системой этических и эстетических идеалов, оно способствует формированию развитого гражданского самосознания и сложных идентичностей. Это находит конструктивное выражение в развитии созидательных форм туризма, что ведет к всестороннему развитию регионов и соответствует актуальным трендам антропологии туризма.

Ключевые слова: Алтай, граффити, вандализм, знаки, поведение, очищение, семиотика

Для цитирования: Банников К.Л., Шкарбань С.Ш. Антивандалные движения в контексте антропологии вандализма // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 6–33. 10.17223/2312461X/50/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/1

Anti-Vandal Movements in the Context of the Anthropology of Vandalism

Konstantin L. Bannikov¹, Saniya Sh. Shkarban²

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

¹ *bannikov@jea.ras.ru*

Abstract. This study is dedicated to the phenomenon of public movements that cooperate to clean rocks from vandal inscriptions. The paper focuses on the symbolic behavior of individuals and communities in a socio-anthropological context, from the territorial behavior of vandals to civil anti-vandal initiatives. The material used consists of inscriptions on the rocks of the Altai Mountains and the historically changing attitudes of the local population toward them. The methodology is based on in-depth interviews with participants of the “Clean Altai” movement, collected during fieldwork, as well as semiotic interpretation of symbolic behavior. The study shows that vandal inscriptions are low-semantics signs, marking only the physical presence of the author. The motivation for making such inscriptions is rooted in the liminal state of an individual seeking to declare their subjectivity in the face of public indifference. The emergence of a mass volunteer movement since the mid-2010s marks the overcoming of this social apathy and the beginning of a new period. Motivated by a complex system of ethical and aesthetic ideals, it contributes to the development of a sophisticated civic consciousness and complex identities. This finds constructive expression in the development of creative forms of tourism, which leads to the comprehensive development of regions and aligns with current trends in the anthropology of tourism.

Keywords: Altai, graffiti, vandalism, signs, behavior, cleansing, semiotics

For citation: Bannikov, K.L. & Shkarban, S.Sh. (2025) Anti-Vandal Movements in the Context of the Anthropology of Vandalism. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 6–33. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/1

Постановка проблемы

До возникновения антивандалных движений изрисованные скалы Сибири воспринимались подавляющим большинством населения как самоочевидная данность, типа грязи. Народ привык не обращать на них внимания, ученые не видели в них особого научно-исследовательского интереса. Однако развитие антивандалных движений начинается с переосмысления пространства своей среды обитания. То, что еще недавно мыслилось отчужденным, «ничьим», стало восприниматься как часть собственного лица, очищению которого люди посвящают время, деньги, эмоционально-когнитивные ресурсы. И в свете антивандалных движений возникла необходимость по-новому взглянуть и на сам феномен вандализма.

У исследований вандализма есть масштабный социально-антропологический аспект, которому посвящен ряд исследований. В главе «Культурно-антропологическая интерпретация вандализма» коллективной монографии И.В. Воробьёвой, К.В. Злоказова, А.С. Зотовой и других авторов подчеркивается, что антропология – это наука, изучающая культуротворческую субъектность человека, которая, в свою очередь, являет собой преобразовательную деятельность, сопряженную с ценностным и нормативным содержанием той культурной системы, частью которой он является: национальной, религиозной, социальной, культурно-исторической и т.д. «Однако, преобразовательная деятельность человека может носить и деструктивный – вандальный – характер и быть направленной на разрушение ценностного и нормативного содержания культурной системы. И в этой связи возникает ряд вопросов. Каким образом культурная антропология способствует пониманию деструктивной субъектности человека в таком “процессе по разрушению мира культуры”, как вандализм? Не является ли культурно-антропологический дискурс избыточным по отношению к традиционным способам интерпретации данного феномена, например, юридическому? Ответ на первый вопрос, к сожалению, заставляет принять мысль, что разрушения являются частью нашей культуры. Известный исследователь культуры К. Клакхон писал, что “антропология держит перед человеком большое зеркало и дает ему возможность посмотреть на себя во всем его безграничном разнообразии”. Таким образом, обращение культурной антропологии к феномену вандализма является попыткой понять, и, следовательно, дополнить представления о природе человека» (Воробьева и др. 2018: 34–35).

Исследования вандализма и связанных с ним явлений насчитывают не одно десятилетие в отечественной и мировой антропологии и составляют обширный пласт статей, монографий и криминологических отчетов. Размышляя о методологии в исследованиях вандализма как феномена, Арнольд Голдштейн замечает большой потенциал существующих социально-психологических подходов, теоретических концептов, продуктивно применяемых в исследованиях агрессии в целом: теория социального обучения (Bandura 1973, 1986); социального взаимодействия (Patterson 1982; Patterson, Reid, Dishion 1992); организации развития (Greenberg, Speltz 1988); обработки социальной информации (Dodge 1980, 1993); когнитивного сценария (Huesmann 1986); субкультур (Sutherland, Cressey 1974); напряжения (Cloward, Ohlin 1960); контроля (Hirschi 1969); маркировки (Lemert 1967; Goldstein 1990); подростковой маргинальности (Scott 1954); полукультуры (Ducey 1978); теория возрастного неравенства (Richards 1976).

Наиболее близкой к проблематике вандализма в естественных природных ландшафтах представляются теории, основанные на взаимном

активном воздействии человека и окружающей среды, воздействия природной среды на поведение личности. Исследовательская традиция взаимодействия личности и среды берет свое начало в работах Левина (Lewin 1935, 1936) и Мюррея (Murray 1938), в которых поведение рассматривается не только как функция личности и среды, но и среда интерпретируется как субъективная, активная по своей природе и наиболее влиятельная в своих поведенческих последствиях, являясь феноменальным полем, создающим психологические ситуации (Ватова 2009; Выготский, Лурия 1993; Скороходова 1998). Поведение индивида в этих работах рассматривалось как совместный результат: а) необходимости удовлетворения психических потребностей и б) воздействия внешней среды на индивидуальную психику.

Примерами, развивающими в дальнейшем эту интеракционистскую тему в психологической теории, являются феноменологическая теория Ангяла (Angyal 1959), подчеркивающая неразрывность организма и среды, и субъективность среды в формировании, программировании человеческого поведения, а также работы Мёрфи (Murphy 1947), Роттера (Rotter 1954) и Мишеля (Mischel 1968), исследующие аспекты социального научения.

Помимо феноменологов и теоретиков социального интеракционизма, возникло направление, называемое экологической психологией окружающей среды. Здесь следует выделить работы Роджера Баркера и его исследовательской группы (Barker, Gump 1964; Barker, Wright 1954).

Теоретические рассуждения о вандализме как производном от заблокированных возможностей (Agnew 1985; Tygart 1988), включая сублимации политико-экономических факторов (Vandalism 1992) и трудности реализации повседневной деятельности (Miethе 1994), представляют собой примеры первоначального анализа необходимых компонентов среды в рамках причинно-следственной модели (Goldstein 1996: 38–39).

При столь обширном и глубоком научном наследии исследований вандализма в урбанистических, культурных, индустриальных и прочих средах, причины, заставляющие людей расписывать сибирские скалы, остаются необъяснимыми в рамках приведенных исследовательских парадигм, учитывая тот факт, что абсолютное большинство надписей представляют собой автографы, состоящие исключительно из имени, времени путешествия по данной местности, и названия населенного пункта происхождения автора.

Те немногие авторы наскальных надписей наших дней, с которыми удалось поговорить о том, зачем они это делают, апеллируют к древним петроглифам в том смысле, что между надписями «Киса и Ося здесь были» и рисунками на стенах Альтамыры, Шове, Калбак-Таша нет разницы – дескать, все это равноценные объекты всемирного наследия.

При всей абсурдности такого рода сопоставлений невозможно игнорировать факт аналогичных надписей античной истории и поставить вопрос, почему, в самом деле, надписи «Стафил был тут с Квиетой», «Дафний тут был со своей Феликлой», «Антиох и его подружка Цитера здесь тусовались», и сотни подобных, нацарапанных на стенах таверн, гладиаторских казарм и публичных домов Помпей и Геркуланума, представляют собой историческую ценность, охраняются и внесены во всемирный реестр латинских надписей, а сообщения «Димон и Колян. Омск, 1997», «Маша и Рома», «Иван. Барнаул» рассматриваются в качестве актов вандализма? Попытки ответить на данный вопрос переводят его предмет из области истории в сферу философской антропологии: имеет ли частный человек любого пространства и времени равноценное право начертать на стене свое имя? И какими стенами и эпохами ограничивается это право?

Антивандальное движение на Алтае

За период практически непрерывных включенных наблюдений с 1991 по осень 2025 г. территория Республики Алтай пережила на фундаментальном уровне «корней травы» ряд антропогенных трансформаций, измеряемых количеством мусора у этих самых корней. За последнее десятилетие количество мусора стало заметно меньше, притом что количество туристов – неизмеримо больше. За последние 100 лет население республики удвоилось и в 2025 г., согласно данным Росстата, составило 210 095 человек. При этом количество туристов, посещающих Алтай в год, превышает количество местных жителей более чем в десять раз. «Туристический поток в Республику Алтай за последние годы увеличился на 50% и достиг в 2024 году более 2,75 миллиона гостей, в 2025 году ожидается рост еще на 5–7%, сообщил в ходе сессии “Брендинг территорий: время созидать” на ПМЭФ и.о. председателя правительства региона Александр Прокопьев» (Турпоток 2025).

При такой колоссальной нагрузке уровень загрязнений в популярных туристических локациях не растет, а, наоборот, снижается. Сегодня практически не встретить спонтанные свалки вдоль дорог и у окраин населенных пунктов, как это было обычным явлением в конце 1980-х и в 1990-е гг. И хотя ситуация в целом еще далека от идеальной, можно говорить о наступившем переломе в экологическом сознании как местных жителей, так и туристов. Ярчайшим примером такого экологического сознания в практическом действии является стихийно возникшее экологическое, или, точнее, эко-эстетическое движение по очистке скал от вандальных надписей и участков ландшафта от мусора – как бытового, так и индустриального. Арктика, Урал, Кавказ, Сибирь, Алтай, Камчатка – волонтеры, энтузиасты экологической эстетики действуют в

обширных пространствах практически по всей стране. Это движение не имеет единого координационного центра и возникло спонтанно в один исторический период.

Данному периоду предшествовал другой, диаметрально противоположный период полной индифферентности «эко-эстетических» природопользователей, выезжавших «на пленэр» своих уикэндов употреблять напитки и еду на фоне красоты ландшафтов, но оставлявших после себя горы мусора в излюбленных местах своих загородных пикников повсеместно – от ближнего Подмосковья до Дальнего Востока. Пикники на собственноручно возводимых мусорных кучах так же могут рассматриваться как своего рода индикатор определенных состояний общественного сознания, в числе которых следует отметить отчужденность человека от своей физической среды обитания. В системе восприятий происходит сокращение, сжатие психологически освоенной среды обитания, т.е. пространства, которое человек мог бы назвать «родным» или просто «своим», и должным образом о нем заботиться, от масштабов города и государства до «сингулярной точки» собственной комнаты, кухни, дачи. Явственным признаком такой отчужденности было состояние пространства общего пользования. Люди, обустривая свои дома, квартиры, дачи, пространства между стенами и заборами порой превращали в свалку, а стены и полы подъездов с дорогами бронированными дверьми квартир напоминали руины и выгребные ямы. Захламление физического пространства между границами домовладений – знак распада пространства социального – процесс превращения коммунальной среды в лиминальную.

Процесс этот универсальный, характерный для любого общества, переживающего историческую динамику дезинтеграции. Лиминальные урбанистические пространства можно встретить в любой стране, в том числе и в мегаполисах сияющей Японии, в которой чистота есть физическое воплощение сакральных категорий. Таков, к примеру, квартал Камагасаки в Осака, которого нет на карте города; японцы говорят, что его и не нужно наносить на карту, ибо о приближении к этому кварталу вы узнаете по запаху. В России же пик бытового захламления территории страны исторически совпадает с периодом ее полураспада в 1990-х. И наоборот – общественные движения, направленные на прекращение распада и конструктивную реорганизацию пространства, являются знаком и проявлением восстановления социально-политической ткани общества.

Включенное наблюдение за деятельностью волонтеров одного из таких движений – «Чистый Алтай» (рис. 1) – расширенные интервью с участниками, личное участие одного из авторов настоящей статьи в их экспедициях по очистке скал позволяют получить релевантную информацию о процессе формирования антивандалного движения, как о процессе когнитивном, психологическом, вызванном в первую очередь переосмыс-

лением своего пространства и самого себя в своем пространстве. Очищение скал – это прежде всего философия, мировоззрение, система ценностей, служащая руководством к созидательным активным действиям конкретной личности и, – через действие, – формированию или переоформлению ее идентичности. Метод расширенных контекстуальных интервью позволяет проследить формирование мотиваций в их динамике.



Рис. 1. Очистка скал волонтерами движения «Чистый Алтай». Республика Алтай, 2023 г. Фото Ирины Тундиновой

Саня Шкарбань:

У Инны, когда я спрашивал, почему она взялась за это дело, она мне рассказывала, что когда она была маленькая, то каждые выходные из Акташа они ездили к бабушке в Олекманар. Они преодолевали перевал Чике-Таман, и она помнит эти скалы еще чистыми, без надписей, и у нее эта картинка запечатлелась в голове. Когда она повзрослела, на картинку ее детства, которая была с чистыми скалами, наложилась картинка скал изуродованных надписями, и ей захотелось делать что-то хорошее для Алтая, и она решила, что будет чистить скалы. Первое время она чистила их сама с Урсулиной, этой худенькой девочкой. Им это давалось с большим трудом, потому что это тяжелый физический труд и волонтеры нужны мужского рода, но девочки не остановили и создали целое движение (Шкарбань С.Ш. – ПМА)

О том, с чего начинался «Чистый Алтай», вспоминают основатель и руководитель команды Инна Муклаева и ближайшие, стоявшие у истоков движения, сподвижники.

Инна Муклаева:

Из команды в первую очередь я хочу отметить такого человека, благодаря которому состоялись все наши экспедиции. Это Анатолий Куприянович Мачиешан. Он раньше жил в Чемале, теперь живет в Алтайском крае. Он прямо первый начал пробовать технологию очистки скал пескоструем, а мой вклад заключается в том, что я раскрутила эту тему, и начала привлекать ресурсы. А он очень хотел это безобразия убрать, начал пробовать и у него стало получаться. Как говорит

Анатолий Куприянович, я кинул камень в воду, и по воде пошли круги – один услышал, другому передал, тот третьему, и т.д. И вот оно получилось и все спрослось. И теперь он счастлив, что причастен к этому делу. У него на этот взгляд свои четкие мысли. И он, кстати, передал нашему проекту девиз: «Чистые лица живых скал». Лица чистые должны быть у природы, как и у человека.

А еще проект никогда бы не состоялся и ничего бы не случилось, если бы не мои родители. Они держат все тылы – дома постоянно с детьми остаются, всех встречают, всех провожают, помогают и морально, и физически. Всегда говорят – езжай, все хорошо, мы тут справимся. От них вот эта уверенность и спокойствие, никто не дергает, нервы не мотает, это же очень много значит. Прямо очень много значит. Папа с мамой лично сами участвовали со мной, когда мы чистили поворот в Кебезене. Они приехали и весь день работали наравне с командой.

Виктор Красильников:

Я очень благодарен руководителю «Чистого Алтая» Инне за приглашение принять участие в очистке скал от вандальных надписей. Я считаю, мне, единственному представителю с Алтайского края, очень повезло. Я принимаю участие в очистке скал с 2020 года. То есть много чего повидал, да. Руководитель очень порядочный, внимательный, правильный. Волонтеры все подобраны очень трудолюбивые, относятся со всей ответственностью. Здесь большая заслуга Инны, которая смогла собрать такую команду. Я в экспедицию привожу компрессор – главный мотор всего движения. Он подает воздух в пескоструйную установку, которая подает абразив для чистки скал.

Урулина Татина (рис. 2):

С чего начался проект «Чистый Алтай» для меня. В 2019 году, условно, в мае, когда в соцсетях я увидела информацию от Инны о том, что готовится экспедиция Катуньского заповедника и «Сибирского здоровья», которым руководит Инна. И тогда была необходима финансовая поддержка на текущие расходы, потому что заповедник всего не покрывал. А мы с ней общались и были в хороших отношениях, и у меня сразу что-то щелкнуло, когда я увидела в объявлении эту фразу: «Нужны волонтеры с 12 по 16 июня», – я даже дату помню – «для экспедиции по очистке скал». У меня такое – ничего себе, скалы чистить! Это вообще какой-то космос был. Для меня все это было совершенно не понятное, но что-то очень крутое, очень отзвучивающее в душе. Я ей написала – дескать, хочу! Что нужно? Я, как минимум, могу быть водителем, у меня есть машина, могу ее заправлять, могу себя накормить, как человек самостоятельный, предприниматель. Главное, найти время, вот на эту неделю все оставить и уехать. Я была первым осознанным волонтером, который отозвался, у которого отозвалось это внутри. Мы встретились, она мне рассказала, как и что. Но прямо перед выездом моя машина сломалась, а на нее были большие надежды, чтобы загрузить оборудование, посадить других, возможно, волонтеров. И вот мы на страничке в Инстаграме написали: «Нам нужен мужчина с машиной» – прямо так пост и назвали. Далее, когда у нас там была первая экспедиция на Чике-Тамане, жили мы в Купчегене, мы прошли весь этот путь, да и этот проект родился на моих глазах. Проба пера, технические моменты.

Ирина Тундинова:

Волею судеб вышло, что я – чукотский фотограф с алтайской душой. Родилась и выросла в Онгудае, с 2018 года живу за полярным кругом. С детства меня раздражал вид разрисованных гор. Когда-то после переезда на Чукотку я услышала о проекте «Чистый Алтай». Тогда загорелась помочь проекту, но не понимала как. В этом году увидела, что ребята собираются в очередную экспедицию.

Предложила им фотопомощь. Ведь мир сегодня живет по принципу – «нет снимков, значит не было». Я даже не представляла какой это титанический труд.



Рис. 2. Урсулина Татина, волонтер движения «Чистый Алтай». Республика Алтай, 2023 г. Фото Ирины Тундиновой

Как видно из фрагментов интервью, движение начиналось с простого порыва простых людей «прибраться в собственном доме», когда степень восприятия алтайских скал как стен родного дома обострилась до руководства к действию (см. рис. 8). А вот как они рассказывают о том, что у них творилось на душе при виде вандальных надписей, и какие чувства они испытывали, когда начинали чистить скалы.

Айбас Толосов:

Я коренной житель. И нас с детства учили, что мы есть часть этой природы. Для нас все живое: и речка, и горы, и кедр, и озеро, и скалы. Мы им поклоняемся, это наши прародители. И поэтому, мы не можем не чистить эти скалы. Я скалу представляю живым существом, который стоял такой чумазый, мы ее отмыли, и скала начала блестеть и улыбаться нам.

В турах меня часто спрашивают про наше язычество, и я туристам объясняю, что язычество – это не как религия, а больше как такое философское направление, языческая философия, которая вся в том, что мы считаем себя частью природы. Мы поклоняемся тому, что нам приносит пользу. Ну, вот например, солнце нас греет, гора нас кормит, речка нас поит, вот мы им всем за это благодарны, потому и поклоняемся.

Ирина Тундинова:

Я не посещаю церкви, дацаны, мечети. Мой храм – Алтай. Его осквернение ранит мою душу. Хочется верить, что когда-нибудь наше общество выйдет на новый духовный и экологический уровень, когда проекты подобные «Чистому

Алтаю» станут неактуальными. А сегодня для нашего региона – это долгожданный глоток воздуха, возвращающий Алтаю его девственную красоту. Благодаря проекту «Чистый Алтай» и лично Инну Муклаеву за возможность стать маленькой частью большого дела. Каждого члена экспедиции за теплый прием и большой вклад в очищение моего хrama.

Урсулина Татина:

Мы на себе таскали песок для пескоструев, прожаривали его, организационные вопросы решали. Все это я видела, знала, и могу сказать, что с первых дней «Чистого Алтая» я рядом с Инной, руководителем проекта. Мне не надо какие-то моменты объяснять. Анатолий Куприяныч к шлангу пескоструя никого не подпускал, сам все один чистил, потому что технически там все было не просто, часто забивалось. То не тот песок, не тот абразив, то еще что-нибудь. А у меня было огромное желание, самой собственноручно очистить надпись на скале. Для меня это было очень важно самой это сделать. Первый квадратный метр, первый кусочек, первый сантиметр, первый миллиметр очищенной скалы, когда ты видишь ее до и после, и понимаешь как это происходит. И самое главное, видишь результат. Ну, это все... Это любовь с первой чистки, как с первого взгляда, можно сказать.

Евгений и Анастасия Каташевы:

Наш образ мыслей, мировоззрение и главный посыл нашим детям – искоренение потребительского отношения к этому миру. Не взять как можно больше, не оставить после себя «след», а только лишь наблюдать и созидать то, что тебе по силам. Видеть, как первозданность природы открывается из-под слоя «наследивших» – это и есть главное вдохновение, которым манит «Чистый Алтай». И, конечно же, команда! Это уже просто семья единомышленников, которые так же как и ты любят и «болеют» Алтаем!

Инна Муклаева:

Я анализировала свои мысли и чувства и пришла к выводу, что «Чистый Алтай» мне очень много дал не только в плане людей... но и как личности. Как бы сказать... Сейчас я попытаюсь сформулировать. Он мне очень много дал в плане моей потребности духовно, душевно, сердцем быть полезной для моей малой родины, которую я, мы все очень любим. Это какая-то реализация нашей безграничной любви к Алтаю... Именно к Алтаю, нашей природе, наверно. Здесь какая-то такая история.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что в процессе собственноручного очищения природы человек переживает сильные эмоции созидания. В его сознании происходит развитие личного чувства психологической рефлексии, идентичности личности. Процесс очистки скал наши информанты характеризуют как очищение души, сопоставляют с религиозным таинством, сакральным действием. И как нам помогают понять эти ребята в своих искренних, откровенных разговорах, эта идентичность личности, социализированной в системе ценностей и мировосприятий, характерных для народов традиционной культуры, пройдя сквозь XX–XXI в. с его коллизиями коллективизации, индустриализации, глобализации, сохранилась не выхолащенной, но с очень живым и порой трогательным чувством. Чувства, о которых они пытаются

рассказать, сопоставимы с катарсисом, возникающим как следствие личных открытий гармонии мира, и связаны с оным переживанием. И это само по себе не является ни новостью, ни откровением. Аналогичные чувства от встречи с горами испытывали путешественники на протяжении всего периода наблюдений за процессами развития горного туризма: «Не обрыв, не поток, не утёс, но сферы, исполненные веры и благочестия» (Томас Грэй); «Есть какая-то сверхъестественная красота в перспективах гор, которая завораживает и чувства, и разум» (Жан-Жак Руссо); «Непостижимым образом колоссальные вершины отражаются в человеческом сознании, приоткрывая намерения Великого Зодчего» (Конрад Геснер) и т.д.

Но если эстетическое переживание восторга от созерцания горных пейзажей в Альпы привнесли пришельцы со стороны равнин, а местные жители испытывали перед своими горами сакральный ужас от переживаний потенциальных встреч с драконами, кобальтами, дьяволом – а кто ж еще может обитать в сени зияющих вершин? – то движение «Чистый Алтай» представлено местными жителями Алтая, однажды взглянувшими на свою землю в целом как на собственный дом, в котором надлежит прибраться. О проделанной работе они говорят конкретно и по существу.

Инна Муклаева:

Основные ключевые почищенные места: перевал Чике-Таман, Белый Бом, Красные ворота, много мест по Чуйскому тракту, «Сад камней» за Акташем, Чемальский тракт за Чемалом и почти до Ороктоя, въезд в Республику, Усть-Муны. В первую очередь чистили такие точки, которые очень сильно измотали нас. По нашей оценке очищено 60% всех надписей, которые есть в Республике Алтай. В планах – довести до идеала Чуйский тракт, а потом уже не очищать, а вести большую антивандальную пропаганду.

Виктор Красильников:

Въезжая в республику Алтай, то есть в Майму, я обращаю внимание на левую сторону, на скалы. И каждый раз, когда въезжаешь, всегда появляются новые надписи. Сразу портится настроение. Я до того вник в их нравы и обычаи, и в их отношение к самой природе. Что удивительно, нет ни одной надписи, которые оставили бы местные жители – допустим, «Здесь был с Маймы», с любого алтайского населенного пункта. Я проехал весь Алтай, и встретил надписи только из других регионов – Новосибирск, Бийск, Барнаул, Новокузнецк, Омск.

Сами алтайцы, люди очень трудолюбивые, проезжают, видят, останавливаются, помогают. Вот один из эпизодов. Мы стояли возле скал, где надпись была высоко. Лестница никак не доставала, альпинистов нет, МЧС нет. И вот останавливается автомобиль и предоставляет нам свой кузов в качестве площадки для установки лестницы, и мы дочистили вот эту надпись. И потом он нам помогал, и половину рабочего дня был с нами, не считаясь со временем своим. Алтайцы очень трудолюбивые люди, останавливаются, помогают, напутствия дают. Они делают правильное дело, практически все надписи со скал они смыли, но постоянно появляются новые. Такое впечатление, что кто-то это делает специально назло. Я очень благодарен Инне и команде за такое большое дело. И уже отзывы

идут, что да, надписей мало стало на Алтае. А в соцсетях, в которых я выставляю фотографии, появляются люди, которых это за душу берет, все делятся комментариями, воспоминаниями.

Движение не просто сплотило его участников, оно создало социум, в котором люди рефлексируют свое новое личностное становление через отношения, взаимодействия с коллективом единомышленников. И этот потенциал представляется крайне важным для оздоровления социально-психологического климата и в «большом» социуме, вплоть до нации.

Инна Муклаева:

Проект дал мне в жизни крутых людей, единомышленников. Он дал мне рост, я с ним расту. Не знаю, как это называется... Найти саму себя... И дал мне очень четкое, уверенное ощущение, как именно, конкретно я могу быть полезна этому миру. Для меня эта миссия. Это, конечно, громко сказано, и частично сейчас эта история заезжена. Все кругом говорят «миссия, миссия», но внутренне для меня это именно так: это именно то, что я могу сделать для своей малой родины. Он стал в моей жизни таким этапом.

И все зависит от команды. В команде образовался костяк – единомышленники, все очень позитивные, все на одной волне. И вокруг проекта очень много собралось всего. И новые люди, и знакомства случайные и неслучайные, какие-то процессы, и это становится для тебя уже не просто проектом, отдельным от твоей жизни, он становится частью твоей жизни и самого тебя.

Виктор Красильников:

С самого начала – а я ежегодно езжу с ними, у меня появляется вторая молодость. Хотя я нахожусь в данный момент на пенсии.

Ирина Тундинова:

Восхищаюсь командой. Каждым. Незнакомые ребята за один день становятся родными. А все благодаря Инне – руководителю и вдохновителю проекта. Ее горящие глаза и вера в дело мотивируют.

В этих репликах – осознание социальности как ценности. Содействие, взаимодействие, понимание надличностной ценности совместных действий – в этом суть и основа чувства социальности, социальной реальности, и в ней личность ищет спасение от виртуальной атомизации современного мира. Характерно, что в формате эко-эстетического активизма уже наметились различные уровни интеграции: а) группы вокруг одного проекта; б) взаимодействие разных групп разных проектов в рамках одного региона; в) кооперация усилий активистов нескольких регионов.

Урсулина Татьяна:

У каждого проекта есть конец, а у нашего конца нет, чистить скалы стало образом жизни, способом мышления. Мы ушли в экологические темы, мы с другими эоактивистами дружим, и частично затрагиваем темы мусора, большого очищения природы, не только скал.

Инна Муклаева:

И тем не менее, наша эта любовь сфокусирована на скалах. Она у нас не просто к чистым берегам и рекам. Лично у меня это прежде всего чувство единения

со скалами и горами. Я люблю дикую Кош-Агачскую природу. Меня туда тянет. В другие проблемы мы не уходим, иначе закопаемся. Стал проект и частью профессионального самовосприятия. Когда я где-то представляюсь, то говорю, что я предприниматель и участник проекта «Чистый Алтай».

Примером другого, столь же яркого и эффективного проекта очищения природы и самоочищения человека стала акция «Капитаны Телецкого» по очистке берегов Телецкого озера от мусора (рис. 6). Результаты – количество тонн собранного мусора – поражали воображение (рис. 7).

Примером межрегионального общения на тему общей боли стало внимание экологических активистов к деятельности волонтеров Кроноцкого заповедника (Камчатка), скал побережья Байкала и «Чистого Алтая». В частности, обсуждались в сравнении методы чистки – пескоструйной машиной (Алтай) (рис. 3), химическими растворителями с щетками (Камчатка) (рис. 4, 5) и лазерной установкой (Байкал).



Рис. 3. Процесс очистки берегов Телецкого озера. Республика Алтай, 2025. Фото Ирины Тундиновой



Рис. 4. Процесс очистки скал побережья Камчатки. Фото предоставлено администрацией Кроноцкого заповедника



Рис. 5. Процесс очистки скал побережья Камчатки. Фото предоставлено администрацией Кроноцкого заповедника



Рис. 6. Процесс очистки берегов Телецкого озера от мусора. Республика Алтай, 2025. Фото Анастасии Сазоновой



Рис. 7. Процесс очистки берегов Телецкого озера от мусора.
Республика Алтай, 2025. Фото Анастасии Сазоновой



Рис. 8. Инна Муклаева и Урсулина Татина на фоне скал до и после очистки.
Фото Ирины Тундиновой

Природа вандалных надписей. Исторические аналогии и кросс-культурные интерпретации

В любом споре правильно выслушать аргументы обеих сторон. Мы охотно бы выслушали и субъектов вандалной активности, если бы они захотели подробно рассказать нам о своих мотивациях. Но вандалы хранят молчание, лишь изредка предпринимая невнятные попытки объяснить, натягивая сову рациональности на сферу бессознательного – источник и бездну всех иррациональных мотиваций, откуда они всплывают и где они тонут. Максима «рациональности» в объяснениях вандалов выглядит следующим образом: если древним людям можно рисовать на скалах петроглифы, и это ценно, то и нам можно рисовать, и это так же ценно, как исторический документ. Разберем, насколько обоснованны подобного рода аргументы.

Было бы неправильно объяснять природу вандалных надписей только лишь инфляцией морально-когнитивных качеств личности вандала, хотя античные мыслители, интерпретаторы культуры, такие как Страбон, Сенека, Плиний, настаивали именно на этом, когда были вынуждены созерцать граффити на стенах Помпей, Геркуланума, Стабии и прочих древнеримских курортных городов. В потребности писать на стенах, очевидно, находит одно из своих выражений сама сущность человека, как существа семиотического, т.е. существа, осуществляющегося внебиологическим способом. Оставляя на поверхностях знаки, графемы имплицитно присуще человеку как виду, и эта потребность особенно обостряется не в своем, уже освоенном пространстве, но в чужом, на начальном этапе его освоения. Этологи видят в этом разновидность территориального поведения, аналогичную физиологическим актам животных, метящих территорию, в которых физиологическая экспансия приобретает значение коммуникативно-информационного сообщения (Требова, Лапшин 2016: 52–53). Так, житель Помпеи, застав у городских ворот гостя с острова Лесбос за синхронизацией обоих качеств территориальной активности – физиологической и нарративной, запечатлел это в следующей настенной эпиграмме: *Lesbiana, cacas, scribis salute – Лесбияец, ты сраешь, и нам пишешь «Привет!»* (Corpus Inscriptionum Latinarum (далее CIL) 4.06764).

На стенах римских городов сохранились до наших дней тысячи эпиграмм и подобных надписей. Одна из этих надписей запечатлела рефлексию по поводу этой ситуации от одного из жителей: *Admiror, paries, te non cecidisse, ruina qui tot scriptorum taedia sustineas – Удивительно, как ты, стена, еще не рухнула, выдерживая столько унылых каракулей* (CIL 4.10070).

Плутарх в своем труде «О болтливости» жалуется на надписи на гробницах и стенах: «В них ничего не написано ни полезного, ни приятного,

только такой-то “помнит” такого-то, и “желает ему добра”, и является “лучшим из друзей”, и много всего такого, полного нелепости» (Плутарх 1999: 631).

В самом деле, на стенах самовыражались не мыслители типа Плутарха и Сенеки, а римский плебс, фиксируя те же незамысловатые мысли и чувства, что и современные вандалы Алтайских скал, правда делали это гораздо более изысканно и оживленно. Римляне на камнях своих стен ругались, «троллили» друг друга, полемизировали, проклинали, воспевали – общались так, как сегодня общаемся мы в своих социальных сетях. Поэтому античные надписи не следует сравнивать с современными алтайскими «писаницами», лишенными смысловой и эмоциональной многомерности.

Таким образом, сами по себе римские надписи, столь удручавшие Плутарха, пускай и не блещут изяществом слога, но являются ценнейшим этнографическим источником, воспроизводя портреты, характеры, страсти городской толпы. Общий анализ настенных надписей в древних городах, несмотря на значительное количество вульгарных сообщений, демонстрирует высокий уровень образования, а некоторые даже воспроизводят образцы высокой культуры. Множество граффити, найденные в самых разных местах – от лупанариев до казарм гладиаторов, воспроизводят цитаты и парафразы, отсылающие к классической поэзии. Так, фраза *Я пою о совах, а не о мужах и битвах – Fullones ululatque cano, non arma virumque* (СІЛ 4.9131) пародирует первую строку знаменитой «Энеиды» Вергилия: *Битвы и мужа пою, кто, судьбою влекомый, из Трои к Италии первым приплыл, к Лавинийскому берегу... – Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris Italiam, fato profugus, Laviniaque venit litora...*

Знала Античность граффити, нацарапанные непосредственно на памятниках, являвшихся местом туристического паломничества римлян, надписи на них преимущественно осмысленные. Некоторые сами по себе являются отдельными памятниками мировой культуры. Так, римская поэтесса Юлия Бальбилла, сопровождавшая императора Адриана и его жену Сабину в их путешествии в Фивы, оставила четыре стихотворения на ноге гигантской статуи фараона Аменхотепа III, которую греки и римляне считали колоссом Мемноном, сыном Эос, богини утренней зари. Египетские статуи и храмы особенно привлекали внимание римских туристов, которые покрывали их надписями не из вандальных побуждений, но в качестве интеллектуальных подношений этим таинственным древним богам.

Как видим, среди античных граффити на памятниках имеются и такие, которые не отличаются от надписей на алтайских скалах, но основная масса текстов по своим смыслам, целям и стилям отличается кардинально. Абсолютное большинство вандальных надписей Алтая не несут

иного смысла, кроме как быть отметкой о физическом присутствии в данном пространстве физического тела, и такой меткой является имя, время поездки и место происхождения. И это само по себе, при отсутствии развернутого нарративного содержания, являясь простым фактом, говорит о многом. Здесь мы сталкиваемся с проблемой отношения знака и смысла в динамике флуктуаций знакового поведения от моносемантики к полисемантике, в зависимости от культурно-исторического контекста.

Волонтеры движения «Чистый Алтай» уже столкнулись с проблемой выделения из основной массы вандалных надписей тех, которые имеют определенную историческую, эстетическую, экзистенциальную и другую ценность, и рассуждают об этом следующим образом:

Евгений и Анастасия Каташевы:

Позвольте и мне выразить свое мнение по этому поводу. Вот, например, на Калбакташе рисунки – это не те надписи, которые сделал мимо проходящий чабан или охотник. Эти рисунки имеют глубокий смысл. То есть наши предки пытались таким образом что-то донести, что-то рассказать о мире своим потомкам. Там есть и астрология, и стороны света, там есть и религия, там есть и простые науки, что-то вроде домостроя, как детей зачали, как была устроена семейная жизнь, то есть для меня петроглифы – это каменные книги. Тогда же бумаги не было. И эти скалы – такая, открытая книга. Еще добавлю про рунические надписи на Калбакташе – они все с глубоким смыслом. И для сравнения я приведу пример надписей на Красных воротах. Вот человек возвращается с войны, современное время, 1945–1946 год. Человек воевал, выжил, возвращается домой и оставляет автограф – и от себя лично, и как бы от всех, кто погиб в той войне. В такой надписи, в самом факте ее также запечатлен глубокий смысл победы добра над злом, торжества жизни над смертью, поэтому такая надпись имеет ценность для нас, и мы такие надписи не стираем. А надписи, типа «Омск», или «Здесь был Вася», они не имеют ценности – ни исторической, ни эстетической – никакой.

Спорные моменты и свои сомнения они выносят на публичные обсуждения. Так они, с обращением к широкой общественности, решали, как поступить с автографом от имени участников первого алтайского мотопробега 1950-х гг. с изящно исполненной картинкой мотоцикла. На консилиуме в соцсетях было решено этот автограф признать как историческую и художественную ценность и не счищать. Решающим аргументом был тот довод, что очистка – акт необратимый и непоправимый, а счищать его всегда успеют.

Так, в ходе дискуссий и размышлений волонтеры «Чистого Алтая» сами для себя выработали критерии того, что считать фактом вандализма, а что считать явлением культуры. Как следует из их высказываний, надписями, имеющими отношение к разряду памятников культуры, являются те, которые создают, фиксируют и ретранслируют созидательные смыслы. Такие надписи они не счищают. Надписи, не имеющие

иных смысловых значений, кроме как обозначать присутствие в физическом пространстве и времени некоего физического тела, устраняются как вандальные.

О чем хотят нам рассказать вандалы? Надписи с точки зрения этологии и семиотики

И тем не менее, если условный автор послания «Здесь был Вася» отправился в путешествие, прихватив с собой кисть и краску, да еще с риском для жизни залез на скалу повыше написать, что он «здесь был», значит, некоторая ценность лично для него в деяниях такого рода имеется. Это ценность глубинно-психологическая.

Судя по бессмертному роману Ильфа и Петрова, надписи в стиле «Киса и Ося здесь были» присутствовали на скалах курортов Кавказа во время написания романа, во второй половине 1920-х гг., т.е. на полвека раньше, чем на стенах Нью-Йорка возникли первые граффити как явление современной городской субкультуры. Насколько правомерно сравнивать наскальный вандализм с городскими граффити, а настенную «живопись» США и России, и тем более современные надписи на стенах и скалах с древними? Сложился определенный пласт исследований этого явления, позволяющий сделать некоторые выводы. «Приобретая символическое значение, граффити начинают выполнять функции трансляции смысла и социального структурирования (Кузовенкова 2015). Причем у такого символического захвата существует несколько “тактик” потребления пространства», – рассматривает граффити в качестве освоения городской среды Ф.Д. Поляков (Поляков 2024: 248), и в своей статье обращает внимание на мнение других исследователей относительно некоторой вторичности российской субкультуры уличных художников относительно американской и в этой связи на понижение градуса социокультурных смыслов.

«Логика становления отечественной субкультуры граффити во многом следует пути ее развития в США 1970–1980-х, когда подобные рисунки и надписи считались неотъемлемой частью хип-хоп индустрии (Скорик 2016: 68–69). Однако в таком заимствовании окончательно теряется их “радикальное бунтарство”, о котором говорил Ж. Бодрийяр. Если граффити Нью-Йорка появились как протестные заявления жителей гетто “о своем существовании”, то после они были преобразованы в среду для обсуждения экономических, политических и социальных проблем, как и сама субкультура хип-хопа, которая стала воплощением творчества и переживаний американских социальных низов. В России же граффити возникают по совершенно иным причинам, в условиях, когда окончательно распалась доминировавшая коммунистическая куль-

тура и публично противостоять было некому (Омельченко 2006). Поэтому в отечественных реалиях граффити перестают быть инструментами символического сопротивления и культурного протеста (см., например: Hebdige 1979) <...> “Цель граффитчиков – не сломать старую традицию и установить новую (что и является целью сопротивления), а нарушить установленные правила. Это не столько сопротивление чему-либо, сколько нарушение ради нарушения. Им важно, что рисовать на стенах запрещено, в противном случае не будет интереса к этой деятельности, она потеряет для них всякий смысл” (Кузовенкова 2017)» (Поляков 2024: 251–252).

Но если в городах надписи на стенах имеют смыслом нарушение запретов, то нанесение своих имен и названий городов в горах на диких скалах лишено и этого смысла. Смысл знаков физического существования заключается, как нам видится, в самом физическом существовании. С точки зрения этологии люди, самовыражающиеся посредством граффити, не несущем культурных смыслов, занимаются территориальным поведением – метят территорию, что также является информационной деятельностью, но такого же базового семиотического уровня, что и информационная активность животного, метящего территорию путем физиологических выделений – слюны, мочи, секрета, экскрементов. Использование физиологии в качестве информационного сообщения животными семиотически совпадает с использованием графем, если они созданы как знак с единственной целью – зафиксировать присутствие физического тела в физическом пространстве.

Если ретрансляцию культурно-сложных смыслов характеризует состояние полисемантики, то сообщение, целью которого является констатация «я – существую», приведенное без прочих рефлексий, следует квалифицировать в разряде моносемантики. Информационная деятельность человека принципиально отличается от информационной активности животного исключительно полисемантическими качествами. На уровне моносемантики отличия не принципиальные. Вполне вероятно, что моносемантическим знакам и коммуникативным физиологемам столько же лет, сколько и фундаментальным когнитивным структурам.

С точки зрения теории лимinalityности

Мусор есть феномен культуры, но не природы. Природа не знает мусора. В культуре же под «мусором» понимается «вещество не на своем месте». Можно спорить о ценностях нарративов древнеримского плебса относительно плебеев времени настоящего, и о том, придает ли время актам семиотически низшего порядка ценность культурной реликвии. Притом что их научно-историческая ценность бесспорна. Для историка все есть артефакт. История, как и природа, не знает понятия «мусор».

Но оставим страсти по мусору в кругу городских стен и вернемся к природе. Как безусловна научно-историческая и культурно-антропологическая ценность любых граффити – древних ли, современных ли, так безусловна ценность чистоты природы в целом и любых ее ландшафтных элементов в частности – скал, камней, лесов, рек, озер, пустынь, болот. Именно к ней, к природе, именно за чистотой и очищением стремятся люди из своих городов и прочих дольных селений в горы, чтобы в первозданной чистоте и красоте отдохнуть от своей городской среды, непрерывно генерирующей мусор – визуальный, аудиальный, духовный, информационный. Поэтому народы мира всегда селили своих богов в горных пейзажах, а философы Нового времени рассматривали горный ландшафт в качестве образа горних сфер, среды очищения человеческой души. Побочным эффектом этой чистоты стало ощущение пустоты, особенно актуальное для человека современной урбанистической цивилизации с ее сверхплотным графиком и трафиком. И здесь, с целью семиотико-антропологических интерпретаций пустот и культур, следует обратиться к теории «лиминальности».

«Лиминальное пространство», «лиминальный субъект» – от латинского *limen*, «граница» – понятия из теорий Виктора Тэрнера (Тэрнер 1983) и Арнольда Ван Геннепа (Ван Геннеп 1999). Применительно к вандальным граффити представляется продуктивным рассматривать теорию лиминальности в композиции с исследованиями механизмов деиндивидуализации Зимбардо (Zimbardo 1969) и концепта десоциализации личности в ситуации «культурного вакуума». Все состояния прослеживают активизацию у индивидов в тех или иных формах территориального поведения.

Понятие и состояние лиминальности коррелирует с механизмами десоциализации и деиндивидуализации, и в семиотике территориального поведения мы видим попытки преодоления, по Тэрнеру, «пустыни бесстатусности», или, в широком смысле, семиотической пустоты (Zimbardo 1969).

С особенной плотностью и интенсивностью вандальные граффити покрывают вагоны, автобусы, лифты, объекты вдоль путей сообщения, дорожные знаки (Dews, Peters 1986). Зимбардо отмечает, что объекты дорожной инфраструктуры, включая отбойники, являясь «символами социального порядка», остаются удобными объектами фрустрации (Zimbardo 1969). Однако образы дороги, пути и транспорта являются символами перехода границ, метафорами лиминальных состояний. Акт вандализма – не просто факт нарушения порядка, но семиотический способ преодоления лиминальности актора. Таким образом, «фактор пространства» перестает быть литературной метафорой и предстает в разряде категорий когнитивной самоорганизации сознания – воссоздания

во внешнем пространстве структурообразующего принципа, утраченного во внутреннем пространстве личности.

Итак, физическое пространство перехода из точки А в точку Б воспринимается как метафизическая Пустота. В силу невозможности помыслить Пустоту, в традиционных культурах народов мира пограничные пространства представлены как пространства, населенные некими инверсивно-перверсивными существами и сущностями – образами и субъектами, конвертирующими Небытие пустоты в Инобытие мифологического пространства. А с Инобытием, в отличие от Пустоты, уже можно работать – его можно нейтрализовать, приручать, осваивать посредством магических приемов и практик – заклинаний, обрядов, ритуалов, молитв.

Современные жители мегаполисов не обладают навыками магических культурных практик, наделяющих личность способностью договариваться с «чудовищами», происходящими из «снов разума». И разум обращается к фундаментальным когнитивным алгоритмам. Личность, вышедшая за пределы своего привычного быта, освоенного пространства или, как нынче модно говорить, «зоны комфорта», ощущает себя в ситуации семиотической опустошенности, и пытается эту Пустоту заполнить, заштриховать, начертав на ней знаки собственного существования. Письмена на скале «Омск, 1997. Колян» – это Пространство, Время, Имя – манифестация субъектности автора.

Потребность в декларации субъектности, обостряющаяся в состоянии лиминальности, представляется одним из способов семиотического противостояния экзистенциальных концептов: «нечто/некто» vs «ничто/никто» – элементарный, как «единица – ноль», структурный принцип самоосуществления личности, равно как и всего сущего.

Времена о нравах

Арнольд Голдштейн рисует психологический портрет вандала как социокультурного депрессанта: «Человек с интеллектом ниже среднего, с историей проблем в образовании и серьезных школьных неудач. Он или она происходит из большой семьи, в которой царила тяжелая и нестабильная домашняя обстановка, и демонстрирует явно неблагополучный и неадекватный социальный, супружеский и трудовой анамнез. Распространены проблемы сексуального характера и алкоголизма, а также часто и проблемы с системой уголовного правосудия» (Goldstein 1996: 25).

Однако, как показывают наблюдения за динамикой культурно-исторического опыта народов мира, дело обстоит сложнее. Не только пространство, но и время перехода, так называемые переходные периоды, способствуют развитию чувства лиминальности у личностей, которым

выпало жить в «эпохи перемен». Масштабные общественно-политические кризисы закономерным образом ведут к распаду институтов, структур, алгоритмов нормативной культуры, и создают семиотические воронки «культурного вакуума» в эпицентрах взрыва культурных идеологий. В этих условиях происходит реактуализация фундаментальных когнитивных структур, призванных заместить собой распавшиеся сложные социокультурные конструкции и послужить отправной и опорной точкой их пересборки.

Этим объясняется тот факт, что в переходные периоды социально-политических катаклизмов, как то революции, смены общественно-исторических формаций и технологических укладов, наблюдается резкий всплеск вандальной активности и реактуализация архаики. Массовым вандализмом отмечены все смены общественно-политических укладов от упадка Рима до Французской и Русской революций (*Revolution francaise et «vandalisme revolutionnaire»* 1992), и далее к советской перестройке, на время которой приходится основная часть вандальных надписей в Алтайских горах. Данная деятельность – признак эпохи. Она сама по себе не означает когнитивно-нравственную деградацию личностей авторов. В тот же самый «перестроечный» период стены туалетов в главных библиотеках страны – московской «Ленинке», петербургской «Публичке» и прочих – покрылись пространными надписями в стиле стен древнеримских городов. Ученые мужи оппозиционных политических взглядов сходились в полемических баталиях на темы прошлого, настоящего и будущего России и слали друг-другу памфлеты и проклятия; и стены сортиров – предельно лиминальное, пограничное между физиологией и информацией, пространство – предоставляли им наилучший формат для самовыражения. К сожалению, перестроечным сортирным граффити повезло гораздо меньше, чем древнеримским, поскольку не сложился, подобный «Корпусу латинских надписей», задокументированный «корпус надписей сортирных», а попытки одного из авторов произвести фотофиксацию столь ценных исторических документов не имели успеха по причине запрета в 1990-х гг. проносить в библиотеки фотоаппараты. Однако всякий посещавший общественные туалеты «эпохи перемен» может самостоятельно восстановить в памяти состояние тех стен и сравнить их с современными.

В ситуации разрушения системы ценностей, политических координат, морально-нравственных ориентиров и других «вековых устоев», скалы на туристических маршрутах, городские подворотни и стены общественных туалетов остаются, возможно, единственной твердой опорой тем индивидуумам, которым больше не на что опереться в своей жизни. Резкий всплеск вандализма с надписями из баллончиков с краской по кузовам чужих автомобилей, случившийся в городах Западной

Европы во времена недавних пандемических запретов, является еще одним свидетельством закономерности взаимосвязей потребности в реактуализации человеческой субъектности с макро-историческими флуктуациями семиотического поля культуры (Шер и др. 2004: 72).

Время очищать камни. Заключение

Современные антивандалные движения, возникшие почти синхронно по всей стране, свидетельствуют об изменениях, происходящих в мировоззрении и социальности. Еще 20–30 лет тому назад люди равнодушно проходили мимо мусорных куч в пространствах между своими квартирами, домами и поселками, относясь к этому пространству «промежутков» так, как теория лиминальности и предписывает относиться к границам и пустотам, отданным на откуп десоциализированным лиминальным субъектам типа бомжей. Но в последнее десятилетие люди словно заново взглянули на собственную среду обитания, которая вдруг предстала их взгляду в своей ценности и целостности, в которой больше нет места пустотам и промежуткам для свалки отходов. Так чувство своего общего мира, нуждающегося в очищении, стало движущей энергией социальной кооперации людей, посмотревших на большое пространство своей страны как свой собственный дом. В масштабах страны очищение пространства изоморфно самоочищению нации. Экологические инициативы наших дней на фоне развития внутреннего туризма впервые за тридцать постсоветских лет – это своего рода индикаторы пересборки общественной системы ценностей, отражающейся в росте общего интереса к судьбе собственной страны, что и есть патриотизм в действии.

Вандализм, как и антивандалная активность, является деятельностью, относящейся к знаковому социально-коммуникативному поведению. Как в девиантных, так и в нормативных мотивациях личности находят свои отражения метаморфозы социальной истории. Синхронное и спонтанное возникновение антивандалных движений по всей стране, аналогичных «Чистому Алтаю», охватившее Крайний Север, Кавказ, Урал, Алтай, Байкал, Дальний Восток, Камчатку, свидетельствует о начале нового социально-исторического этапа, характеризующегося масштабным, общенациональным преодолением лиминальных состояний и включением пространств былого отчуждения в культурное пространство своей среды обитания путем устранения графических знаков отчужденности.

Список источников

- Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999.
Ватова Л.С. Социально-психологический феномен молодежного вандализма // Среднее профессиональное образование. 2009. № 7. С. 25–26.

- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
- Воробьева И.В., Злоказов К.В., Зотикова А.С., Кружкова О.В., Оболенская А.Г., Порозов Р.Ю., Руденкин Д.В., Симонова И.А. Молодежный вандализм как репрезентация проблем городской среды. Екатеринбург: УрГПУ, 2018.
- Кузовенкова Ю.А. «Право на город»: практики легитимации граффити и стрит-арта // Культура и цивилизация. 2015. № 4–5. С. 31–46.
- Кузовенкова Ю.А. Особенности освоения городского пространства сообществами граффити и стрит-арта // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 4 (33). С. 66–69.
- Омельченко Е.О. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 2 (4). С. 151–182.
- Плутарх Моралии. М.: Эксмо, 1999.
- Поляков Ф.Д. Граффити как инструмент освоения городской среды: исследование пространственных практик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. № 27 (4). С. 238–272.
- Скорик А.В. Граффити как субкультура социального вызова и протеста // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1 (21). С. 63–69.
- Скорородова А.С. Граффити: значение, мотивы, восприятие // Психологический журнал. 1998. № 1 (19). С. 144–164.
- Требова С.В., Лапшин Л.В. Основы этологии животных. Уссурийск: ПГСХА, 2016.
- Турпоток на Алтай за последние годы увеличился на 50% // Прайм. 18.06.2025. URL: <https://1prime.ru/20250618/altay-858630000.html>
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Восточная литература, 1983.
- Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004.
- Agnew R. A revised strain theory of delinquency // Social Forces. 1985. Vol. 64. P. 151–167.
- Angyal A. Foundations for a science of personality. Cambridge: Harvard University Press, 1959.
- Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973.
- Bandura A. Social foundations of thought and action. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
- Barker R.G., Gump P. Big school, small school. Stanford, CA: Stanford University Press, 1964.
- Barker R.G., Wright H.F. Midwest and its children. New York: Harper&Row, 1954.
- Cloward R.A., Ohlin L.E. Delinquency and opportunity: A theory of delinquent gangs. New York: Free Press, 1960.
- Dews P., Peters L. Ride with pride: Wipe out graffiti and vandalism on our trains and buses. Brooklyn: New York City Board of Education, 1986.
- Dodge K.A. Social cognitive mechanisms in the development of conduct disorder and depression // Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 559–584.
- Dodge K.A. Social cognition and children's aggressive behavior // Child Development. 1980. Vol. 51. P. 152–170.
- Ducey M. Vandalism in high schools: An exploratory discussion. Chicago: Institute for Juvenile Research, 1978.
- Goldstein A. The psychology of vandalism. New York; London: Plenum Press, 1996.
- Goldstein A. Delinquents and delinquency. Champaign, IL: Research Press, 1990.
- Greenberg M., Speltz M. Attachment and ontogeny of conduct problems // Belsky J., Nezworski T. (Eds.) Clinical implications of attachment. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
- Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. London: Routledge, 1979.
- Hirschi T. Causes of delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Huesmann L.R. Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer // Journal of Social Issues. 1986. Vol. 42. P. 125–139.

- Lemart E.M. Human deviance, social problems, and social control. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.
- Lewin K. A dynamic theory of personality. New York: McGraw-Hill, 1935.
- Lewin K. Principles of topological psychology. New York: McGraw-Hill, 1936.
- Mielke T.D. Citizen-based crime control activity and victimization risks. An examination of displacement and free-rider effects // *Criminology*. 1994. Vol. 29. P. 419–440.
- Mischel W. Personality and assessment. New York: Wiley, 1968.
- Murray H. Explorations in personality. New York: Oxford University Press, 1938.
- Murphy G. Personality: A biosocial approach to origins and structure. New York: Harper, 1947.
- Patterson G.R. Coercive family process. Eugene, OR: Castalia, 1982.
- Patterson G.R., Reid J.B., Dishion T.J. Antisocial boys. Eugene, OR: Castalia, 1992.
- Revolution française et «vandalisme révolutionnaire» / Eds. by S. Bernard-Griffiths, M. Chemin, J. Ethrard. Paris: Universitas, 1992.
- Rotter J.B. Social learning and critical psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1954.
- Richards P. Middle-class vandalism and age-status conflict // *Social Problems*. 1976. Vol. 27. P. 482–497.
- Scott C. Vandalism and our present-day pattern of living // *Federal Probation*. 1954. Vol. 18. P. 10–12.
- Sutherland E.H., Cressey D.R. *Criminology*. New York: Lippincott, 1974.
- Tygart C. Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis // *Adolescence*. 1988. Vol. 23. P. 187–199.
- Vandalism: Research, prevention, and social policy / Ed. by Christensen H.H., Johnson D.R., Brookes M. Portland: U.S. Department of Agriculture Forest Service, 1992.
- Zimbardo P.G. The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse and chaos // *Nebraska Symposium on Education* / Eds. by W.J. Arnold, D. Devine. Lincoln: University of Nebraska Press, 1969.

References

- van Gennep A. (1999) *Obriady perekhoda* [Les rites de passage]. Moscow: «Vostochnaia literatura».
- Vatova L.S. (2009) Sotsial'no-psikhologicheskii fenomen molodezhnogo vandalizma [Social-Psychological Phenomenon Of The Youth Vandalism]. *Srednee professional'noe obrazovanie*. 7. pp. 25–26.
- Vygotskii L.S. & Lurii A.R. (1993) *Etiudy po istorii povedeniia* [Studies in the History of Behavior]. Moscow.
- Vorob'eva I.V., Zlokazov K.V., Zotikova A.S., Kruzhkova O.V., Obolenskaia A.G., Porozov R.Iu., Rudenkin D.V. & Simonova I.A. (2018) *Molodezhnyi vandalizm kak reprezentatsiia problem gorodskoi sredy* [Youth vandalism as a representation of urban environmental problems]. Ekaterinburg: UrGPU.
- Kuzovenkova Iu.A. (2015) «Pravo na gorod»: praktiki legitimatsii graffiti i strit-arta [The "Right to the City": The Practices of Legitimation of Graffiti and Street Art]. *Kul'tura i tsivilizatsiia*. 4–5. pp. 31–46.
- Kuzovenkova Iu.A. (2017) Osobennosti osvoeniia gorodskogo prostranstva soobshchestvami graffiti i strit-arta [Use of Urban Space by Graffiti and Street Art Communities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4 (33). pp. 66–69.
- Omel'chenko E.O. (2006) Nachalo molodezhnoi ery ili smert' molodezhnoi kul'tury? «*Molodost'*» v publichnom prostranstve sovremennosti [The dawn of a youth era or the death of youth culture? "Youth" in contemporary public space]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. 2 (4). pp. 151–182.
- Plutarch (1999) *Moralii* [Moralia]. Moscow: Eksmo.
- Polyakov F.D. (2024) Graffiti kak instrument osvoeniia gorodskoi sredy: issledovanie prostranstvennykh praktik [Graffiti as A Tool of Urban Environment Appropriation:

- A Study of Spatial Practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 27 (4). pp. 238–272.
- Skorik A.V. (2016) Graffiti kak subkul'tura sotsial'nogo vyzova i protesta [Graffiti as A Subculture of Provocation and Outcry]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 1 (21). pp. 63–69.
- Skorokhodova A.S. (1998) Graffiti: znachenie, motivy, vospriiatiie [Graffiti: meaning, motives, perception]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1 (19). pp. 144–164.
- Trebova S.V. & Lapshin L.V. (2016) *Osnovy etologii zhyvotnykh* [Fundamentals of Animal Ethology]. Ussuriisk: PGSKhA.
- Turpotok na Altai za poslednie gody uvelichilsia na 50% [The tourist flow to Altai has increased by 50% in recent years]. *Prime*. 18.06.2025. Available at: <https://1prime.ru/20250618/altay-858630000.html>
- Turner V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: «Vostochnaia literatura».
- Sher Ia.A., Vishniatskii L.B. & Blednova N.S. (2004) *Proiskhozhdenie znakovogo povedeniia* [The origin of sign behavior]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Agnew R. (1985) A revised strain theory of delinquency. *Social Forces*. 64. pp. 151–167.
- Angyal A. (1959) *Foundations for a science of personality*. Cambridge: Harvard University Press.
- Amoroso L.J. (1977) Public school property losses and vandalism. *Security World*. 14.
- Bandura A. (1973) *Aggression: A social learning analysis*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Bandura A. (1986) *Social foundations of thought and action*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Barker R.G. & Gump P. (1964) *Big school, small school*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Barker R.G. & Wright H.F. (1954) *Midwest and its children*. New York: Harper&Row.
- Cloward R.A. & Ohlin L.E. (1960) *Delinquency and opportunity: A theory of delinquent gangs*. New York: Free Press.
- Dews P. & Peters L. (1986) *Ride with pride: Wipe out graffiti and vandalism on our trains and buses*. Brooklyn: New York City Board of Education.
- Dodge K.A. (1993) Social cognitive mechanisms in the development of conduct disorder and depression. *Annual Review of Psychology*. 44. pp. 559–584.
- Dodge K.A. (1980) Social cognition and children's aggressive behavior. *Child Development*. 51. pp. 152–170.
- Ducey M. (1978) *Vandalism in high schools: An exploratory discussion*. Chicago: Institute for Juvenile Research.
- Goldstein A. (1996) *The psychology of vandalism*. New York – London: Plenum Press.
- Goldstein A. (1990) *Delinquents and delinquency*. Champaign, IL: Research Press.
- Greenberg M. & Speltz M. (1988) Attachment and ontogeny of conduct problems. In: Belsky J., Nezworski T. (Eds.) *Clinical implications of attachment*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Hebdige D. (1979) *Subculture: The Meaning of Style*. London: Routledge.
- Hirschi T. (1969) *Causes of delinquency*. Berkeley: University of California Press.
- Huesmann L.R. (1986) Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer. *Journal of Social Issues*. 42. pp. 125–139.
- Lemart E.M. (1967) *Human deviance, social problems, and social control*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Lewin K. (1935) *A dynamic theory of personality*. New York: McGraw-Hill.
- Lewin K. (1936) *Principles of topological psychology*. New York: McGraw-Hill.
- Miethe T.D. (1994) Citizen-based crime control activity and victimization risks. An examination of displacement and free-rider effects. *Criminology*. 29. pp. 419–440.
- Mischel W. (1968) *Personality and assessment*. New York: Wiley.
- Murray H. (1938) *Explorations in personality*. New York: Oxford University Press.
- Murphy G. (1947) *Personality: A biosocial approach to origins and structure*. New York: Harper.
- Perlgut D. (1983) Vandalism: The environmental crime. *Journal of Social Issues*. 18. pp. 209–216.
- Patterson G.R. (1982) *Coercive family process*. Eugene, OR: Castalia.
- Patterson G.R., Reid J.B. & Dishion T.J. (1992) *Antisocial boys*. Eugene, OR: Castalia.

- Revolution française et “vandalisme révolutionnaire”*. Ed. Bernard-Griffiths S., Chemin M., Ethrard J. Paris: Universitas, 1992.
- Rotter J.B. (1954) *Social leaning and critical psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Richards P. (1976) Middle-class vandalism and age-status conflict. *Social Problems*. 27. pp. 482–497.
- Scott C. (1954) Vandalism and our present-day pattern of living. *Federal Probation*. 18. pp. 10–12.
- Sutherland E.H. & Cressey D.R. (1974) *Criminology*. New York: Lippincott.
- Тугарт С. (1988) Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis. *Adolescence*. 23. pp. 187–199.
- Vandalism: Research, prevention, and social policy*. Ed. by Christensen H.H., Johnson D.R., Brookes M. Portland: U.S. Department of Agriculture Forest Service, 1992.
- Zimbardo P.G. (1969) The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse and chaos. In: *Nebraska Symposium on Education*. Ed. by Arnold W.J., Devine D. Lincoln: University of Nebraska Press.

Сведения об авторах:

БАНИКОВ Константин Леонардович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: bannikov@iea.ras.ru

ШКАРБАНЬ Сания Шайхлисламовна – соискатель, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Konstantin L. Bannikov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: bannikov@iea.ras.ru

Saniya Sh. Shkarban, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 8 сентября 2025;
принята к публикации 2 декабря 2025.*

*The article was submitted 08.09.2025;
accepted for publication 02.12.2025.*